Челябинский гуманитарий. 2025. № 1 (70). С. 69–74.
ISSN 1999-5407 (print).
Chelyabinskij Gumanitarij. 2025; 1 (70), 69–74.
ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья
УДК 82-14
DOI 10.47475/1999-5407-2025-70-1-69-74

БЕСТИАРИЙ В ПОЭЗИИ ГЕНРИХА САПГИРА

Светлана Юрьевна Артёмова[1], Самая Ашрафовна Аллахвердиева[2]
[1,2] Тверской государственный университет, Тверь, Россия
[1] svart1@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2339-057X
[2] samaya.allahverdieva@mail.ru

Аннотация. В статье обращается внимание на бестиарий как жанр средневековой литературы, представляющий собой собрание описаний животных, реальных или вымышленных, как правило, имеющих фольклорные или мифологические корни. Особый интерес представляет авторский бестиарий, не дающий параллелей с существующей мифологической системой. Один из примеров авторского бестиария дает поэзия Г.В. Сапгира, в которой бестиарные образы частотны и маркированы в заглавиях и при этом вполне независимы от фольклорных и мифологических семиотических кодов. В этом случае можно говорить об авторском бестиарии и на уровне именования, и на уровне описания. В цикле «Встреча» таких авторских бестиарных образов несколько, их называние вынесено в заглавия стихотворений. В стихотворении Сапгира «Журха» благодаря звуковой игре создается атмосфера «иного» мира, населенного бестиями (или иной взгляд на привычный мир). Мир журхи становится точкой отсчета нечеловеческого взгляда на мир. Такую декларацию взгляда со стороны можно сравнить «с точкой зренья ворон» или «с точки зренья комара» в поэзии Иосифа Бродского. Но Сапгир идет дальше, описывая экзотическую бестию, ее насекомоподобность и враждебность к человеку. Герой смотрит на себя взглядом предельно чуждого «чужого». При создании бестиарного образа поэт активно пользуется приемом «поэтики полуслова». При этом «полуслова» возможно рассматривать как своего рода окказиональные слова, которые используются для описания бестии. Здесь невозможно провести границу между оригинальным несуществующим миром и оригинальным взглядом субъекта на мир существующий. Однако игра слов не единственная причина, по которой авторский бестиарий Сапгира оригинален. Детская литература, к которой обращается Сапгир, предоставляла автору широкое поле для экспериментов, а также неограниченную возможность фантазировать. Строго говоря, на примере стихотворений Сапгира разделение «детских» и «взрослых» стихов невозможно, да и несущественно. Так, в цикле «Смеянцы» реализуется тот же самый принцип называния и описания несуществующих живых существ. В итоге проделанной работы становится очевидно, что бестиарные образы Генриха Сапгира не антропоморфны, лишены устойчивой отсылки к литературе и культуре и представляют собой авторский бестиарий, в целом характерный для поэзии конца XX века.

Ключевые слова: бестиарий, поэзия, Генрих Сапгир, образ, экзотические звери

Для цитирования: Артёмова С. Ю., Аллахвердиева С. А. Бестиарий в поэзии Генриха Сапгира // Челябинский гуманитарий. 2025. № 1 (70). С. 69–74. doi: 10.47475/1999-5407-2025-70-1-69-74

Original article
BESTIARY IN THE POETRY OF GENRIKH SAPGIR

Svetlana Yu. Artemova[1], Samaia A. Allakhverdieva[2]
[1,2] Tver State University, Tver, Russia
[1] svart1@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2339-057X
[2] samaya.allahverdieva@mail.ru

Abstract. The article draws attention to the bestiary as a genre of medieval literature, which is a collection of descriptions of animals, real or fictional, usually having folklore or mythological roots. Of particular interest is the author's bestiary, which provides no parallels to the existing mythological system. One of the examples of author's bestiary is the poetry of G.V. Sapgir, in which bestiary images are frequent and marked in the titles and are quite independent from folklore and mythological semiotic codes. In this case we can speak of author's bestiary both at the level of naming and description. In the cycle "Meeting" there are several such author's bestiary images, and their names are included in the titles of the poems. In Sapgir's poem "Zhurkha", sound play creates the atmosphere of an "other"

world inhabited by bestiaries (or a different view of the familiar world). The world of Zhurkha becomes a point of reference for a non-human view of the world. Such a declaration of an outside view can be compared “with the point of view of a crow” or “with the point of view of a mosquito” in the poetry of Joseph Brodsky. But Sapgir goes further, describing the exotic beast, its insect-like nature and its hostility to man. The hero looks at himself with the gaze of an extremely alien “stranger”. When creating a bestiary image, the poet actively uses the technique of “half-word poetics”. In this case “half-words” can be considered as a kind of occasional words, which are used to describe the bestiary. Here it is impossible to draw a line between the original non-existent world and the subject’s original view of the existing world. However, wordplay is not the only reason why Sapgir’s bestiary is original. Children’s literature, to which Sapgir turns, provided the author with a wide field for experimentation, as well as an unlimited opportunity to fantasise. Strictly speaking, on the example of Sapgir’s poems, the division of “children’s” and “adult” poems is impossible, and even irrelevant. Thus, in the cycle “Smeyanets” the same principle of naming and describing non-existent living beings is realised. As a result of this work, it becomes obvious that Henrik Sapgir’s bestiary images are not anthropomorphic, lack a stable reference to literature and culture, and represent the author’s bestiary, generally characteristic of the poetry of the late twentieth century.

Key words: bestiary, poetry, Genrikh Sapgir, image, exotic animals.

For citation: Artemova S. Yu., Allakhverdieva S. A. (2025) Bestiary in the poetry of Genrikh Sapgir. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 1 (70), 69–74. doi: 10.47475/1999-5407-2025-70-1-69-74

Бестиарий обычно толкуется как «жанр средневековой дидактической литературы, представляющий собой каталог реальных и вымышленных животных с описанием некоторых их свойств, в ряде случаев – с их символическим истолкованием» (Бестиарий 2001: 80). Бестиарная литература уходит корнями в фольклор и мифологию и рассматривается чаще всего в этом контексте. Она привлекает внимание исследователей прежде всего в аспекте языковом, поскольку называние бестий напрямую связано с языковой картиной мира: «система образов реально существующих, а также вымышленных животных, сформировавшаяся в мифологической картине мира и реализованная в национальной картине мира конкретного языка» (Добрикова 2005). Безусловно, описание существ интересно и в плане семиотики и поэтики, здесь тоже пройден большой исследовательский путь от демонологических истоков (Махов 2012) до общесемиотических характеристик (Махов 2017), от описания видов существ в словесности и изобразительном искусстве (Бестиарий 2012) и их связи со стихиями (Бестиарий 2013) до изучения индивидуальных бестиарных черт в творчестве конкретного автора (Орлицкий 2003). В начале 2000-х интерес сосредоточился на составлении каталогов бестий (Королев 2005), а позднее на описании адаптации образа чудовища к конкретной культуре из-за тяги к неведомому (Кузнецова 2022). Наконец, начали защищаться диссертации, возможные только при существовании некоторого опыта обобщения и представляющие лишь первую попытку описания бестиария как своего рода кодовой системы, как «собрание художественно осмысленных образов зверя», пусть пока всего лишь на примере бестий сказов Бажова (Юань 2023: 4).

Но на самом деле таких примеров индивидуального авторского бестиария довольно много, и что интересно – много в лирике, казалось бы, плохо приспособленной для какого-либо описания свойств и каталога. Одним из таких примеров является поэзия Г.В. Сапгира, в которой бестиарные образы, с одной стороны, частотны и маркированы в заглавиях, а с другой, вполне независимы от фольклорных и мифологических семиотических кодов, уникальны и новы. В этом случае можно, вероятно, говорить об авторском бестиарии как на уровне именования, так и на уровне описания.

К примеру, в цикле «Встреча» создается специфический художественный мир на грани игры в экзотику и словарной игры:

Там на страшной высоте
реют силые линоры
длиннокрылые линоны
тамнастра и тимносте

Собственно, близость бестии к крученыховским авангардным играм словом – первое, что следует отметить в сапгировском кадавре (отсылка к средневековой традиции здесь на уровне остранения), но это вполне соответствует и самой рефлексии авторов относительно специфики художественных миров – см. заглавие одной из рецензий на книгу стихов современного поэта – «Гомунукулусы и кадавры» (Давыдов 2012).

В стихотворении Сапгира создается атмосфера «иного» мира, населенного бестиями (или, точнее, иного взгляда на привычный мир). На это указывает и «страшная высота», подразумевающая высоту горы или холма, и «падины», очевидно, созвучные со словом впадины, и серая луна, прозванная автором «лунарой».

озирает тамнастра
тамнасиние падины
где восходят саладины
соболея до утра

Благодаря окказиональным словам и сочетаниям типа «длиннокрылые линоны», создается впечатление, что речь идет о неизведанном мире с его обитателями, неизученными бестиями, видимыми лишь поэту.

Обитатели эти индивидуально авторские как в лексическом плане, так и в плане описательном. Тамнастра и тимносте – стражи, стерегущие этот мир. Прием, подобный отчасти псевдофразе Щербы про «глокую куздру», позволяет представить стражей, исходя из их фонетического называния и воображения читателя, воспитанного на мифологии, фольклоре и фантастической литературе конца XX века.

Несомненно, экзотические бестии появляются у Сапгира благодаря игре слов. Это одна из ключевых особенностей его поэтической техники, о чем уже было сказано сапгироведами (Павловец 2018). Одним из таких примеров является стихотворение «Журха». Особенность текста заключается в использовании таких слов, как «журха», «мурехла», «чусти», «лучало» и других, восходящих к идее нового поэтического языка.

Журха урхала и мурхала
следила высунув стрекало
высвечиваясь как в луче
за тем что называют че

Додумывание поэтической строки приводит читателя к мысли о том, что ЧЕ – это человек, и тогда мир предстает описанным и увиденным с нечеловеческой точки зрения.

Мир журхи становится точкой отсчета, не представимой человеческому глазу и мозгу. Конечно, на уровне декларации такие идеи уже существуют в культуре конца XX века, можно сравнить взгляд с точки зрения журхи с ощущением пяти сторон света «с точки зренья ворон» И. Бродского или его же «с точки зренья комара / человек не умира». Но Сапгир идет дальше, описывая не комара или ворону, а экзотическую бестию, ее насекомоподобность и чуждость, враждебность к человеку подчеркнута словом «стрекало».

При создании бестиарного образа поэт активно пользуется приемом «поэтики полуслова» (Зубова 2000; Суховей 2009). Сапгир часто использует сокращенные слова, причем «обрезаться» может любая их часть – как флексии, так и корни. При этом смысл высказывания воспринимается благодаря дублированию основных категорий в соседних лексемах, однако нередко возникают – и в этом состоит часть авторского замысла поэта – дополнительные значения, иногда взаимоисключающие. «Полуслова» тоже можно рассматривать как своего рода окказиональные слова, которые используются для описания бестии.

Финалу стихотворения автор придает особый смысл. Использование буквы «Q» скорее задает загадку, чем дает эмблематическое изображение:

И мурехла ей прожужжала:
Зачем и чем ты подражала?
Жухра вспухала тяжело —
она урхала и мурхала —

и букву Q изображала.

Буква Q, как знаменитая декларация Еременко «мы поедем с тобою на А и на Б» или буква Ю в поэме Венечки Ерофеева, становится знаком загадки вселенной. Но неслучайно и то, что непредставимое человеку напрямую соотносится с речью, ее графической записью.

В стихотворении «Шардахла» прием описания авторского чудовища еще более явен:

Еле-еле шардахла
свой тавот ушардахла.

Муравьи-мурмуришки, ползущие по ноге мертвеца, уступают место щардахле, которая занимает свое место под ногтем и «сидит пуская деготь». В тексте довольно подробно названы повадки шардахлы: она «корешки журжакла», «косолоки вурдахла», «соки сладкие пила» и «чуяла движение». Однако автор не комментирует подробности шардахлы, поэтому в контексте звериного кода она может соотноситься с каким угодно животным или насекомым. Акцент здесь сделан именно на оригинальности как звукового, так и семантического кода.

В романсе «В саду» бестиарные образы переплетаются с рядом неопределенно-живых и получеловеческих субъектов. В тексте неизведанные существа, такие как лорхи и шушурики, «шалашились и блестели» и «ходили как хотели». Однако далее в мире этих существ появляется «божественно живой» Танаиф. В целом имена бестий перекликаются с именами демонов (Дамон), божеств и ангелов, населяющих поэтический мир.

Следует также отметить, как автор, вставляя детали, дополняющие картину «забвенного» мира, делает ее похожей на мир привычный, человеческий. Благодаря описательным приемам в сознании читателя появляется образ «осенней» природы:

И всякий ржелистик жабо-золотой
И каждый краплик хрусткой паутины

Здесь невозможно провести границу между оригинальным несуществующим миром и оригинальным взглядом субъекта на мир существующий. Что называется, «лишь поэты знают дней катыбр».

Однако игра слов не единственная причина, по которой авторский бестиарий Г. Сапгира оригинален и не соотносится напрямую ни с одной мифологической системой. Дело в том, что Сапгир ориентируется на детскую литературу и детскую речь. Она предоставляла автору широкое поле для экспериментов, а также неограниченную возможность фантазировать. Строго говоря, на примере стихотворений Сапгира разделение «детских» и «взрослых» стихов невозможно, да и несущественно.

Так, в цикле «Смеянцы» реализуется тот же самый принцип называния и описания несуществующих живых существ: «Черабура», «Варахия», «Мырдоват» и т.п., что и (условно говоря) во взрослых стихах:

Я придумал: олуби ихтасу
и увидел гнездо и какую-то горную трассу
Я подумал: лагоре эребос
и увидел море автобус
Я услышал: илария лов
и увидел тень за тканью слов**те**

Звучащие как заклинание «олуби ихтасу», «лагоре эребос» и «илария слов» помогают субъекту (и читателю) увидеть «невидимое» и погрузиться в таинственный мир с его необычными обитателями.

Так, в стихотворении «Варахия» Сапгир описывает неизведанное, скорее всего, морское существо. Лирический субъект сталкивается с ним во время морской стихии:

В море – буря, в буре – мрак
Заворочался варак
Барку поднял, уронил,
Капитана сохранил.

Изначально из-за схожести букв может показаться, что речь идет о воронке во время смерча, сильный вихрь которого способен все перевернуть. Однако далее субъект поясняет, что пассажир корабля, называющий себя не «капитаном», а «капельмухом», встречает существо, обладающее необычайной мощью:

Море вывернул варак,
Хвостобрюх и хвосторыл.

В очередной раз мы не можем сказать, о каком именно животном идет речь, ведь, помимо всего прочего, в финале текста говорится о том, что в море «золотистых вархунов» множество.

С той поры там и живу
Между пушистыми шаршунами
И золотистыми вархунами.

Функция бестиарного образа в детской поэзии Сапгира вполне ясна: описание мира детской фантазии строится на тяге к неизведанному.

Обобщая экзотический бестиарий Сапгира, мы можем весьма приблизительно говорить о насекомообразных, личинкообразных, птицеобразных и иных персонажах, населяющих художественный мир его поэзии и восходящих не к мифологии и фольклору, а скорее к снам и страшилкам или к границе полубреда-полуфантазии.

Таким образом, бестиарные образы Генриха Сапгира не антропоморфны, лишены устойчивой отсылки к литературе и культуре и представляют собой авторский бестиарий, в целом характерный для поэзии конца XX века; бестиарий, у которого есть собственный индивидуальный семантический код.

Список источников

Бестиарий // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Москва : Интелвак. 2001. Стлб. 80–81. 1596 с.

Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве: Сб. статей / Сост. А. Л. Львова. Москва : Intrada. 2012. 183 с.

Бестиарий и стихии: Сборник статей. Москва : Intrada. 2013. 166 с.

Добрикова К. А. Бестиарий в национальной языковой картине мира : Дисс. кандидата филологических наук: 10.02.19 – Теория языка. Челябинск, 2005. 215 с.

Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. Москва : НЛО. 2000. 194 с.

Давыдов Д. Гомунукулусы и кадавры. Рец. на книгу стихов К. Корчагина // Новый мир. 2012. № 4. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2012/4/gomunkulusy-i-kadavry.html

Королев К. Энциклопедия сверхъестественных существ. Москва : ЭКСМО; Санкт-Петербург : МИДГАРД. 2005. 216 с.

Корчагин К. Как читать поэтов Лианозовской группы URL: https://arzamas.academy/mag/784-lianozovo

Кузнецова О. А. Похищение чудовищ. Античность на Руси. Москва : АСТ. 2022. 288 с.

Махов А. Е. Демонологический бестиарий и средневековое учение о значении вещей // In Umbra. Демонология как семиотическая система. Альманах. N 1. М.: РГГУ. Институт высших гуманитарных исследований. Центр типологии и семиотики фольклора, 2012. С. 290–314.

Махов А. Е. Бестиарий как подсистема средневековой семиотики // Вестник РГГУ. 2017. № 9. С. 20–36.

Орлицкий Ю. Б. Введение в поэтику Сапгира: система противопоставлений и стратегия их преодоления // Великий Генрих: Сапгир и о Сапгире / Сост. Т.Г. Михайловская. Москва : РГГУ. 2003. С. 159–167.

Орлицкий Ю. Б. «Бестиарии»» и Бестиарий Александра Кондратова // Риторика бестиарности. Москва : Intrada. 2014. С. 98–108.

Павловец М. Г. «И все, что образует пустоту...»: деструкция словесной формы в поэзии Генриха Сапгира // НЛО. 2018. № 5. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/153/article/20153/

Суховей Д. А. Графика современной русской поэзии: дис. кандидата филологических наук: 10.02.01 Русский язык. Санкт-Петербург. 2008. 273 с.

Суховей Д. Книга Генриха Сапгира «Дети в саду» как поворотный момент в истории поэтики полуслова // Полилог. 2009. № 2. С. 36–46.

Черных Н. Об одном стихотворении Сапгира: мигуны и чихуны. // Полилог. 2009. № 2. С. 173–175.

Юань М. Бестиарий как культурный код в русской и китайской культуре: дис. кандидата философских наук: 5.7.8 Философская антропология, философия культуры. Екатеринбург. 2023. 170 с.

References

Bestiariy // Literaturnaya entsiklopediya terminov i poniatiy [Bestiary // Literary Encyclopedia of Terms and Concepts] / Pod. red. A. N. Nikoliukina (2001). Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN. Moskva : Intelvak. Stlb. 80–81. 1596 p. (In Russ.).

Bestiariy v slovesnosti i izobrazitel'nom iskusstve [Bestiary in Literature and Visual Arts]: Sb. statei [Collection of Articles] / Sost. A. L. L'vova (2012). Moskva : Intrada. 183 p. (In Russ.).

Bestiariy i stikhii [Bestiary and Elements]: Sbornik statey [Collection of Articles] (2013). Moskva : Intrada. 166 p. (In Russ.).

Dobrikova, K. A. (2005). Bestiariy v natsional'noy yazykovoy kartine mira: Diss. .. kand. filol. nauk [Bestiary in the National Linguistic Picture of the World: Diss. …Cand. Philol. Sci]. Chelyabinsk. 215 p. (In Russ.).

Zubova, L. V. (2000). Sovremennaya russkaya poeziya v kontekste istorii yazyka [Modern Russian Poetry in the Context of Language History]. Moskva : NLO. 194 p. (In Russ.).

Davydov, D. (2012). Gomunukulusy i kadavry [Homunculi and Cadavers]. Rets. na knigu stikhov K. Korchagina [Review of K. Korchagin's Poetry Book] // Novyi mir. № 4. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2012/4/gomunkulusy-i-kadavry.html (In Russ.).

Korolev, K. (2005). Entsiklopediya sverkh'yestestvennykh sushchestv [Encyclopedia of Supernatural Beings]. Moskva: EKSMO; Sankt-Peterburg: MIDGARD. 216 p. (In Russ.).

Korchagin, K. Kak chitat' poetov Lianozovskoi gruppy [How to Read the Poets of the Lianozovo Group]. URL: https://arzamas.academy/mag/784-lianozovo (In Russ.).

Kuznetsova, O. A. (2022). Pokhishchenie chudovishch. Antichnost' na Rusi [The Abduction of Monsters. Antiquity in Rus']. Moskva : AST. 288 p. (In Russ.).

Makhov, A. E. (2012). Demonologicheskiy bestiariy i srednevekovoe uchenie o znachenii veshchey [Demonological Bestiary and Medieval Teaching about the Meaning of Things] // In Umbra. Demonologiya kak semioticheskaya sistema [In Umbra. Demonology as a Semiotic System]. Al'manakh. No. 1. Moskva : RGGU. Institut vysshikh gumanitarnykh issledovaniy. Tsentr tipologii i semiotiki fol'klora. pp. 290–314. (In Russ.).

Makhov, A. E. (2017). Bestiariy kak podsistema srednevekovoi semiotiki [Bestiary as a Subsystem of Medieval Semiotics] // Vestnik RGGU [Bulletin of the RSHU]. № 9. pp. 20–36. (In Russ.).

Orlitskii, Yu. B. (2003). Vvedenie v poetiku Sapgira: sistema protivopostavleniy i strategiya ikh preodoleniya [Introduction to the Poetics of Sapgir: The System of Oppositions and Strategies for Overcoming Them] // Velikiy Genrikh: Sapgir i o Sapgire [Great Heinrich: Sapgir and About Sapgir] / Sost. T. G. Mikhailovskaya. Moskva : RGGU. pp. 159–167. (In Russ.).

Orlitskii, Yu. B. (2014). «Bestiarii» i Bestiariy Aleksandra Kondratova ["Bestiaries" and the Bestiary of Alexander Kondratov] // Ritorika bestiarnosti [Rhetoric of Bestiality]. Moskva : Intrada. pp. 98–108. (In Russ.).

Pavlovets, M. G. (2018). "I vse, chto obrazuet pustotu...": destruktsiya slovesnoy formy v poezii Genrikha Sapgira ["And Everything that Forms the Void...": Destruction of Verbal Form in the Poetry of Heinrich Sapgir] // NLO. № 5. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/153/article/20153/ (In Russ.).

Sukhovei, D. A. (2008). Grafika sovremennoy russkoy poezii: Diss. .. kand. filol. nauk [Graphics of Modern Russian Poetry: Diss. …Cand. Philol. Sci]. Sankt-Peterburg. 273 p. (In Russ.).

Sukhovei, D. (2009). Kniga Genrikha Sapgira «Deti v sadu» kak povorotnyi moment v istorii poetiki poluslova [Heinrich Sapgir's Book "Children in the Garden" as a Turning Point in the History of Poetics of Half-Word] // Polilog. № 2. pp. 36–46. (In Russ.).

Chernykh, N. (2009). Ob odnom stikhotvorenii Sapgira: miguny i chikhuny [About One Poem by Sapgir: Miguny and Chikhuny] // Polilog. № 2. pp. 173–175. (In Russ.).

Yuan', M. (2023). Bestiariy kak kul'turnyi kod v russkoy i kitaiskoy kul'ture: Diss. .. kand. filol. nauk [Bestiary as a Cultural Code in Russian and Chinese Culture: Diss. …Cand. Philol. Sci]. Ekaterinburg. 170 p. (In Russ.).

Информация об авторах

С. Ю. Артёмова – доктор филологических наук, доцент Тверского государственного университета

С. А. Аллахвердиева – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Information about the authors

S. Yu. Artemova – Doctor of Philology, Associate Professor of Tver State University

S. A. Allakhverdieva – postgraduate student, Department of History and Theory of Literature, Tver State University

Статья поступила в редакцию 22.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025;
принята к публикации 23.01.2025.
The article was submitted 22.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025;
accepted for publication 23.01.2025.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.